
ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

С.В.Иванова

О СОЦИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ЯМНОГО ОБЩЕСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

S.V.Ivanova. The Social Organisation of the Yamnaya Culture Tribes in the Northwest Pontic Area.

The article is devoted to reconstruction of a social organisation of tribes of Yamnaya culture, basing researching of the cemeteries on the Northwest Pontic.

It has been established the functioning of a few interactive structures, which were reflected in a mortuary rite: sex-aged, potentate, functional, ethnosocial. The two parts (byfunctional) system of society and the lack of social group of warriors have defined the aristocratic way of genesis of polity.

The different position of ethnosocial organisms who were inhabited in the region supposes a formation of potentate community, may be on a level of tribal confederation.

Общепризнанно, что в погребальном обряде именно трудовые затраты (выраженные как в характере ритуала, так и в размерах и конструктивной сложности погребальных комплексов, особенностях инвентаря) маркируют различное социальное положение погребенного, его социальный статус. Под последним чаще всего понимают соотносительное положение индивида или группы в социальной системе, определяемое их ролью в жизни коллектива. Социальный статус различают предписанный (наследуемый) и достигаемый, зависящий от возможностей индивида достичь его собственными силами (Куббель 1998). Рассмотрение погребальных комплексов на фоне этих положений может служить основанием для реконструкции социальной позиции индивидов и общественных групп ямного социума. В контексте погребального ритуала ямной культуры региона различия в количестве затраченного труда проявляются как отклонения от среднестатистической модели захоронения.¹

Современное состояние изучения ямных древностей позволяет предпринять попытку реконструкции социального строя и социальных структур ямного общества, отраженных в погребальном ритуале. Функционирование подобных структур предполагают в любом социуме,

начиная с эпохи энеолита (Ольховский 1995). В рамках данной работы анализ социального устройства ямного общества в различных аспектах предполагает рассмотрение нескольких моделей: 1) половозрастной; 2) функциональной (воины — служители культа — носители производственной функции); 3) потестарной (правители — знать — рядовое население); 4) этносоциальной (соотношение обрядовых групп, выявление их места и роли в социальном устройстве ямной КИО Северо-Западного Причерноморья).

Как отмечают исследователи, анализ **половозрастной** структуры общества является начальным этапом социальных реконструкций (Алексин 1986: 190; Бунятян 1985: 228; Колесников 1993: 152). При этом именно данные погребального обряда являются основным источником для изучения половозрастной и социальной дифференциации общества и образуемых на этой основе социальных групп (Массон 1976: 191). К тому же половозрастная система отражает не только организацию производственной деятельности, но и общественные отношения. В условиях первобытного общества половозрастной фактор является одним из основных принципов организации общественной системы; структурообразующими компонентами на этом уровне выступают системы иерархически соподчиненных половозрастных групп. Для их определения существенным является состав погребального инвентаря, сопровождающий индивидов разного пола и возраста, его функциональное отличие, уровень трудовых затрат.

В нашем распоряжении имеются данные о 2126 погребениях ямной культуры с террито-

---

¹ По нашим подсчетам, среднестатистическую модель ямного погребения региона можно охарактеризовать следующим образом: погребение впускное в готовую насыпь кургана, с деревянным перекрытием, погребальная камера прямоугольная с закругленными углами, на дне - скелет, посыпан охрой, под ним — циновка. Преобладающими являются погребения с размерами от 1,1-1,2 x 0,8 м до 1,8 x 1,2 м (Табл. 1).

Таблица 1.
Среднестатистические размеры погребального сооружения

Характер погребального сооружения	Минимальные размеры (1-я размерная группа)	Средние размеры (2-я размерная группа)	Максимальные размеры (3-я размерная группа)
Погребальная камера без уступа	от 0,8 x 0,4 до 1,1 x 0,8 м	от 1,1-1,2 x 0,8 до 1,8 x 1,2 м	от 1,8 x 1,2 до 2,5 x 2 м
Погребальная камера с уступом	от 0,7 x 0,5 до 1,4 x 0,8 м	от 1,4 x 0,8 до 1,8 x 1,5 м	от 1,8 x 1,5 до 2,5 x 1,8 м
Уступ	от 1,4 x 1 до 2 x 1,5 м	от 2 x 1,5 до 3 x 2,9 м	от 3 x 2,9 до 8 x 4,5 м

рии Северо-Западного Причерноморья. Для 322 из них имеются антропологические определения (пол, возраст)². В целом, они отражают все основные возрастные категории: раннее детство (*Infantilis I*) — до 6–8 лет, позднее детство (*Infantilis II*) — от 6–8 до 12–14 лет; юношеский возраст (*Juvenis*) — от 12–14 до 17–20 лет, включающий в себя подростковый возраст — от 12–13 до 15–16 лет; возраст возмужалый (*Adultus*) — от 20–22 до 30–35 лет; зрелый возраст (*Maturus*) — от 30–35 до 50–55 лет; старческий возраст (*Senilis*) — 50–55 лет и старше (Сегада 1995: 208).

В рамках вышеотмеченного мы можем оперировать данными о 161 захоронении мужчин, 74 — женщин, 62 — детей и подростков (с определением возраста); в 25 случаях установлен лишь возраст индивида без указания пола.

Захоронения детей и подростков зачастую рассматриваются при анализе погребений в совокупности. Это связано, видимо, с тем моментом, что в процессе раскопок они сравнительно легко выделяются из общей массы захоронений, даже при отсутствии специальных антропологических определений. Отметим, что совершенно не обязательно, чтобы современная возрастная граница между детьми, подростками и взрослыми (в социальном плане), либо физиологическая, основанная на антропологических данных, совпадала с той, что была принята в ямном обществе. Поэтому, на наш взгляд, в данном контексте целесообразно рассмотреть те погребения, где определен возраст детей и подростков, или хотя бы грань между ними. В основном они, на фоне всего массива детских погребений региона, позволяют нам более определенно рассмотреть этот аспект половозрастной стратификации ямного

общества.

Отметим, что И. Ф. Ковалевой на материалах Приднепровья выделена ранняя ступень в социальном развитии ребенка — 2–2,5 года, характеризующаяся «выходом из колыбели» (Ковалева 1998: 37–47). Мы полагаем возможным выделить еще один этап в возрастной градации ямного общества.

Отметим, что в группе детских захоронений имеются погребения с параметрами ниже средних; при этом в ней известны и могильные ямы средних размеров (Табл. 1). Рассмотрение погребений, где определены пол и возраст, показывает, что минимальные размеры встречены в тех захоронениях, где погребены дети от младенческого возраста и до 5–7 лет (Табл. 9). Захоронения детей старше этого возраста характеризуются уже стандартными для взрослого погребения размерами, никогда их не превышая (Табл. 10). Видимо, возраст 5–7 лет представлял собой определенную ступень внутри половозрастной структуры ямного общества, отразившуюся в изменении уровня трудовых затрат на проведение погребального обряда, переходе ко «взрослым» нормам. Отметим, что Д. Мэллори, рассматривая погребения восточноевропейских степей эпохи бронзы, выделил еще один возрастной этап в рамках ямного социума. Он предположил, что 11–12 лет — это та возрастная граница, которая характеризует переход во взрослое состояние (Мэллори 1994: 86–89). Однако проверку этого предположения для ямных погребений региона можно провести лишь с увеличением базы данных антропологии. Что касается погребального инвентаря, особых черт ритуала, то можно отметить существенные различия как при сопоставлении взрослых и детей, так и в соответствии с возрастными группами внутри массива детских захоронений. Прежде всего, привлекает внимание тот факт, что практически все завершенные изделия из камня и кремня, костяные и металлические орудия связаны с захоронени-

² Наряду с опубликованными в различных источниках сведениями нами учтены и материалы, полученные от старшего научного сотрудника Института археологии НАН Украины С.П. Сегады, которому выражаем искреннюю благодарность.

Таблица 2.
Соотнесение категорий инвентаря с возрастными группами у мужчин

Артефакты	Всего	Антр. определения	Молодые		Возмужалые		Зрелые		Старые		?	
			(7)		(72)		(47)		(24)		Возраст не определен (9)	
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Кремневые отщепы	73	21	1	14,3	1	1,4	4	8,5	–	–	1	11,1
Орудия труда кремневые	56	13	–	–	1	1,4	2	4,3	1	4,2	2	99,9
Орудия труда каменные	52	8	–	–	–	–	3	6,4	1	4,2	–	–
Орудия труда костяные	12	2	–	–	1	1,4	–	–	1	4,2	–	–
Ножи металлические	15	4	–	–	–	–	2	4,3	1	4,2	1	11,1
Шилья металлические	13	2	1	14,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Топоры кремневые	10	4	–	–	–	–	2	4,3	2	8,4	–	–
Дротики кремневые	3	1	–	–	–	–	–	–	1	4,2	–	–
Наконечники стрел костяные	5	3	–	–	2	2,8	–	–	–	–	–	–
Стрелы кремневые (причина смерти или ранения)	18	6	–	–	3	4,2	2	4,3	–	–	1	11,1
Фрагменты топоров	11	2	1	14,3	–	–	–	–	–	–	1	11,1
Астрагалы	12	5	–	–	1	1,4	–	–	–	–	–	–
Трубочки костяные	11	4	1	14,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Мотыги	7	3	1	14,3	1	1,4	–	–	–	–	–	–
Заколки с выемками	4	2	1	14,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Браслеты составные	32	16	–	–	3	4,2	5	10,6	–	–	–	–
Медные височные обоймы	4	3	–	–	1	1,4	–	–	–	–	–	–
Серебряные спирали	53	13	–	–	1	1,4	1	2,1	–	–	3	33,3
Заготовки топоров	4	2	–	–	–	–	2	4,3	–	–	–	–

ями взрослых. В детские могилы помещались исключительно отходы производства либо полуфабрикаты. Среди них: ножевидная пластина (1), отщепы (5), нуклеусы (2), заготовка кремневого орудия (1). Два детских погребения с хозяйственно-производственным инвентарем содержали орудия из природного материала без вторичной обработки: Томай (?) (Левицкий 1983: 35-44) с отбойником из гальки и Холмское 1/16 (Черняков, Станко, Гудкова 1986: 53-96) с растиральником. Заметим, что в последнем случае ребенок 6–8 лет был погребен по «взрослому» стандарту – в яме средних размеров. Характерно, что в погребении Приморское 1/25 (Чеботаренко, Черняков, Тоцев 1993: 46-61) нуклеус был обнаружен при младенце, в то время как взрослого сопровождало законченное орудие – скребок. Для отмеченной ситуации вроде бы нехарактерна находка в погребении подростка (Траповка 6/20) законченного орудия – скобеля (Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995: 134). Однако этот факт вполне объясним его возможным статусом в коллективе как взрослого индивида, учитывая нечеткость отражения в погребальном ритуале границ между взрослыми и подростками. В целом, несмотря на незначительное число антропологических определений погребений де-

тей с инвентарем, можно сделать вывод, что производственные артефакты соотносятся с детьми старшего возраста, подростками.

Что касается отщепов, то, относя их к производственному инвентарю как заготовки орудий, отходы производства, следует иметь в виду и существующее мнение о связи их с ритуальной сферой. Полагают, что отщепы могут выступать в контексте ритуала как инвариант небесной тверди, мирового столба (Ковалева 1991: 40).

Таким образом, мы можем констатировать численную незначительность детских погребений с производственным инвентарем. Даже с включением в их состав захоронений с отщепами, отходами, они составляют лишь 15% от всех погребений с орудиями труда, либо 3,8% всех погребений с артефактами. Практически нет детских погребений с оружием, за исключением захоронения подростка с костяными наконечниками стрел (Глиное 1/1) (Яровой 1984: 417-418).

Иная ситуация наблюдается при рассмотрении детских погребений с ритуальным инвентарем, украшениями. Они составляют почти половину таких захоронений – 43,7% или 26,7% всех погребений с инвентарем. Так, из 12 найденных в регионе захоронений с астрагалами,

Таблица 3.
Соотношение особенностей обряда с возрастными группами у мужчин

Артефакты. Особенности в обряде	Всего	Антр. определе ния	Молодые		Возмужалые		Зрелые		Старые		?	
			(7)		(72)		(47)		(24)		Возраст	
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Повозки	17	7	–	–	2	2,8	2	4,3	1	4,2	–	–
Стелы	61	27	1	14	–	–	5	11	4	17	1	11
Каменные конструкции	10	3	–	–	–	–	–	–	1	4,2	1	11
Каменные обкладки	8	1	–	–	–	–	1	2,1	–	–	–	–
Рвы	29	11	–	–	2	2,8	–	–	–	–	–	–
«Дома мертвых»	142	48	1	0,7	11	15,3	4	8,5	2	8,3	3	33

Примечание: Процентные показатели вычислялись от числа погребений в каждой возрастной группе.

пять принадлежат детям и подросткам (41%), из 10 с подвесками из зубов хищника – половина, из трех с подвесками из раковин – одно (33,3%). Захоронения с бисером, бусиной из кварца – только детские. Из четырех погребений с костяными заколками в трех, где захоронены взрослые, найдены целые изделия, а в погребении подростка (Лиман 2/3) – обломки. Среди погребений с металлическими украшениями отметим шесть захоронений детей и подростков с серебряными подвесками (11,3%), три – с медными височными спиралями (23%), три с медными браслетами (9,4%). Здесь мы сталкиваемся с проблемой наследуемого и достигаемого статуса. Почти полное отсутствие детских погребений с орудиями труда (при довольно значительном количестве этих находок в регионе) может указывать на то, что статус ребенка в производственной сфере со временем меняется, с чем связано появление ору-

дий среди подростков и детей старше 7 лет. В ритуальной и социально-престижной сферах ситуация несколько иная. Определенное социальное положение закрепляется за ними с момента рождения. Полагают, что именно наличие неординарных детских захоронений связано с вопросом наследования социального статуса. Причем последнее подтверждается тогда, когда процент детских погребений в определенной социальной группе совпадает со среднестатистическим (Иванова 1998: 37-38). Этот показатель очень важен, ибо в определенных случаях неординарные детские захоронения могут быть тесно связаны с ритуальными представлениями общества о сакральной выделенности детей (Алексин 1986: 190).

Средний показатель детских погребений ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье, по нашим подсчетам, составляет 19,7%. В них лишь в единичных случаях встре-

Таблица 4.
Соотношение категорий инвентаря с возрастными группами у женщин

Артефакты	Всего	Антр. определе ния	Молодые		Возмужалые		Зрелые		Старые		?	
			(20)		(25)		(15)		(6)		(3)	
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Отщепы кремневые	73	21	1	5	2	8	2	13	1	17	1	17
Орудия труда кремневые	56	13	–	–	1	4	1(?)	6,7	–	–	–	–
Орудия труда каменные	52	8	–	–	1	4	–	–	–	–	–	–
Шилья медные	13	2	–	–	1	4	–	–	–	–	–	–
Мотыги	7	3	–	–	1(?)	4	–	–	–	–	–	–
Браслеты цельные	4	2	–	–	2	8	–	–	–	–	–	–
Браслеты составные	32	16	2	10	2	8	–	–	–	–	–	–
Височные обоймы	4	3	1	5	1	4,	–	–	–	–	–	–
Спираль височные медные	13	5	–	–	1	4	–	–	–	–	1	17
Серебряные спирали	53	13	–	–	1	4	–	–	–	–	–	–

Таблица 5.
Соотношение особенностей обряда с возрастными группами у женщин

Особые черты ритуала	Всего	Антр. определе-ния	Молодые		Возмужа-лые		Зрелые		Старые		?	
			(20)		(25)		(15)		(6)		(6)	
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Повозки	17	7	–	–	–	–	1	6,7	–	–	–	–
Стелы	61	27	–	–	1	4	1	6,7	–	–	–	–
Каменные конструкции	10	3	–	–	–	–	–	–	1	17	–	–
Рвы	29	11	–	–	–	–	1	6,7	–	–	–	–
Ров + кромлех	2	2	–	–	–	–	1	6,7	–	–	–	–
«Дома мертвых»	142	48	2	10,0	2	8,0	3	20,0	–	–	–	–

Примечание: Процентные показатели вычислялись от общего числа погребений в каждой возрастной группе.

чен производственный инвентарь, отсутствует оружие. Единственная находка двух костяных наконечников стрел (Глиное 1/1), связанная с подростком, видимо, объясняется его статусом в коллективе как взрослого индивида. Близость к средним показателям детских погребений с металлическими украшениями позволяет нам считать, что дети попали в эти группы по праву рождения; неординарные детские захоронения в этом случае могут указывать на наследование социального статуса. Высокие показатели среди погребений с ритуальным инвентарем и ритуальными украшениями свидетельствуют, видимо, о том, что на первый план в данном случае выступает особая роль детей в сакральной жизни древних обществ, когда именно ребенок, являясь носителем таинственных сил, тесно соприкасался с миром духов (Алексин 1986: 190). Кроме того, дети, помимо избранности, могли наследовать социальную роль служителей культа при рождении; не исключено, что учеников могли хоронить по обряду этой социальной группы.

Выявленное соотношение различных категорий инвентаря и особенностей ритуала указывает на то, что в хозяйственной области ребенок находился на нижней ступени (по сравнению со взрослыми). В социальной сфере его статус определялся статусом той социальной группы, к которой он принадлежал по рождению. И если ритуальный инвентарь может указывать на особую роль ребенка в ритуально-культурных представлениях (определяемую, порой, в раннем возрасте), то социально-престижный – на его врожденное социальное положение, наследование социального статуса. «Производственную» позицию ребенку предстоит повышать с течением времени, на что указывает появление «взрослого» инвентаря у

подростков, в то время как социальная за ними закреплена от рождения. При равенстве в производственной сфере, некоторые дети отличны сакральной и социальной позициями. В ритуальной сфере, скорее всего, дети могли занимать строго определенное место и не были связаны со всеми аспектами сакральной жизни общества. Так, с ритуальным набором «нож + шило», который характеризуется наиболее высоким уровнем трудовых затрат в погребальном обряде, встречен в погребении правителя (Таракляя 10/19) (Гроссу, Агульников, Хахеу 1983), детские погребения отсутствуют. То есть, несмотря на широкий спектр детских ролей в ритуалах (отраженный в разнообразии ритуального инвентаря), высокая социальная позиция в этой сфере была им недоступна.

Исследователи фиксируют высокую детскую смертность в древних обществах (Алексеев 1989: 63-90; Кислый 1989: 19). При этом отмечается, что находки детских погребений в курганах не столь часты, как это можно было бы ожидать; предполагается разрушение части детских захоронений, выполненных в верхних отделах курганной насыпи (Рычков: 93). Между тем, такое наблюдение справедливо для однослойных курганов: в стратифицированных следующая насыпь служит защитным слоем. Возможно, в курганах погребались не все дети, а лишь определенная их часть, занимающая, по сравнению с другими детьми, более высокую социальную позицию. Практически все погребения в группе до 5-7 лет отличны от рядовых (Табл. 9), это же касается и более старшей группы (Табл. 10). Отметим и значительное количество погребений с уступами именно в этих группах (Табл. 11) – 54,5% и 52% (при среднем показателе в регионе 33,3%)

Погребения мужчин и женщин, имеющиеся

Таблица 6.
Удельный вес находок и черт ритуала в мужских и женских погребениях

Артефакты	Мужчины (159)		Женщины (72)	
	Абс.	%	Абс.	%
Отщепы	7	4,4	7	7,9
Орудия труда	12	7,5	2	2,8
Ритуально-производственный инвентарь	7	4,4	2	2,8
Ритуальный инвентарь	7	4,4	–	–
Украшения	12	10,9	11	15,3
Заготовки топоров	2	1,3	–	–
Оружие: инвентарь	8	5,1	–	–
Оружие: причина смерти	6	3,8	–	–
Повозки	5	3,1	1	1,4
Стелы	11	6,9	2	2,8
«Дома мертвых»	21	13,2	7	9,7

в нашей сводке, отражают тот факт, что разделение труда происходило не только в соответствии с возрастом (взрослые-дети), но и между индивидами разного пола, а также по возрастным группам как среди мужчин, так и среди женщин. Прежде всего отметим почти полное отсутствие погребений женщин с хозяйственным инвентарем. Он представлен отбойником (Плавни 8/18) (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 158), резцом-скобелем (Чауш 20/2) (Гудкова, Добролюбский, Тощев, Фокеев 1981), впрочем в последнем случае пол определен предположительно. В погребении Богатое 2/11 (Гудкова, Алексеева, Тощев, Фокеев 1978) найдено медное шило, однако, возможно, его следует относить к ритуально-производственному инвентарю, как и кремневый нож-кинжал для мяса (Утконовка 1/6) (Шмаглий, Черняков, Алексеева 1970). В любом случае, на фоне орудий труда, принадлежащих мужчинам, данные находки единичны. Видимо участие женщин в хозяйственной жизни не получило отражения в археологических реалиях.

Некоторые категории инвентаря являются общими для мужчин, женщин и детей (Табл. 12); напротив, оружие и хозяйственно-производственный инвентарь найдены, преимущественно, в захоронениях мужчин. Следует указать, что и удельный вес находок в захоронениях мужчин и женщин не одинаков: у мужчин не только шире «ассортимент», но и почти все категории находок чаще найдены в мужских, чем в женских захоронениях. Исключения составляют лишь украшения (10,9% у мужчин и 15,3% у женщин), кремневые отщепы (Табл. 6).

Имеющиеся антропологические определения позволили наметить некоторые особенности в распределении и инвентаря, и черт обряда с учетом пола и возраста индивида.

Так, ритуальный, ритуально-производственный инвентарь связывается преимущественно с мужчинами молодого возраста (Табл. 2). Отмеченные в таблице кремневый отщеп и медное шило происходят из комплексов, содержащих ритуальные предметы (Тараклия II, 1/2) (Гроссу, Агульников, Хахеу 1983), Оланешты 8/7 (Яровой 1990: 269). Украшения связываются исключительно с двумя возрастными группами – возмужалых и зрелых. Находки орудий труда, оружия соотносятся чаще с захоронениями мужчин зрелого и старческого возраста, чем возмужалого. У женщин почти все находки концентрируются в группе возмужалых, реже – молодых (Табл. 4).

Отметим, что некоторые артефакты связаны с довольно узкими возрастными рамками. Так, кремневые топоры найдены у мужчин 45–60 лет, каменные растиральники-отбойники – 45–50, заготовки каменных топоров – 45–50, медные браслеты у женщин – 25–30 лет, составные медные браслеты зафиксированы с молодыми и возмужалыми женщинами, мужчинами 35–50 лет.

Следует остановиться еще на нескольких моментах, которые, на наш взгляд, также связаны с отражением в погребальном ритуале половозрастной структуры ямного общества, а именно – на рассмотрении антропологических характеристик умерших на фоне вложенных в погребение трудовых затрат.

Как мы уже отмечали, среди захоронений взрослых могильные ямы с размерами ниже средних, как правило, не встречаются. Однако, имеются существенные различия в группе индивидов разного пола и возраста в плане размерных характеристик погребального сооружения. Среди захоронений мужчин среднестатистические размеры погребений имеют 44,1%,

Таблица 7.
Соотношение трудовых затрат с возрастными группами в мужских захоронениях

Характеристика погребений	Всего		Молодые		Возмужалые		Зрелые		Старые		?	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Погребения мужчин	159	100	7	4,4	72	45,5	47	29,6	24	15,1	9	5,7
Основные погребения	26	16,3	1	14,3	11	15,2	6	12,7	5	20,8	3	33,3
Погребения с уступами	77	48,4	5	71,4	40	55,5	13	27,6	15	62,5	4	44,4
2 размерная группа	70	44,1	2	28,5	30	41,6	19	40,4	17	70,8	2	22,2
3 размерная группа	54	33,9	1	14,3	29	40,2	12	25,7	7	29,2	5	55,5

Примечание: Процентные показатели вычислялись от количества мужских захоронений в каждой возрастной группе.

превышают их – 33,9%, в остальных случаях размеры погребальной камеры не восстанавливаются (Табл. 7). У женщин соотношение иное – захоронений крупных размеров в 2,5 раза меньше, нежели средних - 20,8% и 51,4% (Табл. 8).

Группа молодых мужчин немногочисленна (Табл. 7); в группе возмужалых средние размеры превышает 40,2% захоронений. С увеличением возраста сохраняется процент погребений средних размеров, но падает число захоронений крупных размеров (26,7% в группе зрелых мужчин). Среди мужчин старческого возраста преобладают средние размеры погребений (70,8%).

Что касается погребений женщин, то лишь в группе зрелых преобладают могильные ямы крупных размеров.

При этом среди мужских захоронений с размерами выше среднего определенную часть составляют безынвентарные, которые ничем, кроме параметров, не отличаются от средне-статистических. У женщин размерами выделяются чаще всего неординарные по различным показателям погребения. Исходя из предложенной нами трактовки параметров могильной ямы как отражения достигаемого статуса, можно прийти к выводу, что оптимальные возможности для его повышения были у мужчин возмужалого возраста. Среди женщин возможности повысить свой социальный статус более ограничены и реализуются, преимущественно, в зрелом возрасте.

Характерно, что основных захоронений (для первой и последующих насыпей) несколько больше мужских, нежели женских (16,3% : 13,9%). Однако близость процентных показателей среди лиц разного пола и возраста со средними по региону указывает, на наш взгляд, на то, что этот элемент погребального ритуала отражает наследуемое социальное положение, которое не зависит от половозрастных характеристик погребенных, а также не связано с достигаемым статусом.

Сопоставляя данные, полученные при анализе погребального инвентаря, особенностей ритуала и уровня трудовых затрат (на фоне раз-

личных половозрастных групп), можно попытаться реконструировать элементы половозрастной стратификации ямного общества, отраженной в погребальном обряде.

Уже в самом раннем возрасте детьми наследовался статус социальной группы, к которой они принадлежали по рождению. В частности, это касается группы знати, о чем свидетельствует наличие детских захоронений с социально-престижными находками. Известны погребения детей младшего возраста с ритуальным инвентарем. В древних обществах избранные дети, вследствие магических свойств, которыми их наделяли, вскоре после рождения приобретали статус жреца, обязанности которого они должны были исполнять по достижении определенного возраста. В случае преждевременной смерти этих детей хоронили в соответствии с их положением (Алекшин 1986: 190, 124). Более старшие дети могли принимать участие в ритуалах или являться учениками. После 5-7 лет статус ребенка менялся. Это отразилось, как в увеличении размеров могильной ямы (детей начинают хоронить по «взрослым» стандартам), так и в появлении у подростков единичных находок орудий труда, оружия. Скорее всего, имелись определенные отличия в социальной позиции мальчиков и девочек, но на археологическом материале это не прослеживается; отсутствуют и соответствующие антропологические определения.

Судя по погребальному инвентарю, с группой юношей и молодых мужчин связано отправление ритуальных культов и обрядов; как отмечалось выше, велика в них роль детей и подростков. Характерно, что у калашей (индоиранцев Гиндукуша) именно мальчики и юноши-девятвенники, в сущности, и составляли жреческое сословие, активно участвуя в обрядах (Иетмар: 388-389). Крупных могил с захоронением молодых мужчин немного, что может указывать на ограниченные возможности повысить в этом возрасте свой статус. В группе возмужалых мужчин наблюдается увеличение трудовых затрат на выполнение захоронения (выраженное в его размерах), почти полностью отсутствует производственный инвентарь, но имеются украше-

Таблица 8.
Соотнесение трудовых затрат с возрастными группами в женских захоронениях

Характеристика погребений	Всего		Молодые		Возмужалые		Зрелые		Старые		?	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Погребения женщин	72	100	20	28	25	35	15	21	6	8,3	6	8,3
Основные погребения	10	14	2	11	6	24	2	13	2	33	–	–
Погребения с уступами	23	33	7	35	8	32	4	27	4	67	–	–
2 размерная группа	37	51	12	60	15	60	4	27	5	83	1	17
3 размерная группа	15	21	1	5	6	24	6	40	–	–	2	33

Примечание: Процентные показатели вычислялись от количества захоронений в каждой возрастной группе.

ния из металла (Табл. 2). Среди зрелых мужчин уменьшается количество погребений, превышающих среднестатистические показатели, при этом растет количество орудий труда из кремня, камня, кости; имеется оружие, украшения. В погребениях лиц старческого возраста отсутствуют украшения, имеются орудия труда, оружие. Подавляющее число погребений имеет средние размеры (70,8%), хотя растет число погребений с уступами.

Приведенные данные, на наш взгляд, указывают на ситуационное изменение социального статуса индивида в ямном обществе (в зависимости от его возраста). У мужчин высокий уровень трудовых затрат (а, возможно, и определенные типы украшений) маркировали возраст до 35–40 лет – наиболее оптимальный для продуктивной хозяйственной деятельности. Учитывая скотоводческую направленность хозяйства ямных племен, логично предположить, что именно со скотоводством связаны наиболее значимые для общества социальные роли. Характерно, что эта отрасль практически не нуждается в особых орудиях труда, поэтому отсутствие в погребениях инвентаря – не обязательно показатель «бедности». После 35–45 лет, видимо, меняется «профессиональная ориентация» индивида, его социальная роль, социальный статус. В погребениях появляется производственный инвентарь, т.е. мужчины, начиная со зрелого возраста, переходят от активного участия в основной отрасли хозяйства к другим аспектам трудовой деятельности (деревообработка, изготовление орудий, обработка шкур, организация быта и т.п.). Оружие сосредоточено в захоронениях лиц старческого и зрелого возраста; оно может маркировать лиц, передающих свои навыки ученикам, имеющим военный опыт, а не только собственно воинов.

У женщин определенной границей, свидетельствующей об изменении социального статуса, является переход от возмужалого к зрелому возрасту. Исчезают практически все виды украшений, орудий труда. Но именно в этом возрасте увеличивается уровень трудовых затрат на проведение погребальной обрядности, появляются особенности в ритуале (Табл. 4; 5). В старческом возрасте у женщин не зафиксированы погребения крупных размеров, одна-

ко, как и у мужчин, значителен процент погребений с уступами.

По-видимому, мужчины в целом занимали более высокое социальное положение, нежели женщины, о чем свидетельствуют более частые находки социально-престижных артефактов именно в мужских захоронениях (Табл. 6). При этом возраст от 20 до 35 лет являлся наиболее оптимальным для повышения достигаемого статуса: в этой возрастной группе половина захоронений превышала средние размеры. У женщин, напротив, большой процент крупных захоронений в группе зрелых (35–55 лет). Группа старых мужчин и женщин в определенном аспекте (отраженном в погребальном ритуале наличием уступа) выделялась из общей массы захоронений.

Создается впечатление, что социальный статус в ямном обществе, наследуемый при рождении (или в раннем возрасте), не сохранялся до конца жизни неизменным. В определенном возрасте (связанном с изменением характера трудовой деятельности?) он менялся, о чем свидетельствует появление новых черт в обряде, инвентаре (Табл. 2–5).

Данная реконструкция половозрастной структуры является в определенной степени предварительной и может быть дополнена и уточнена при увеличении количества антропологических определений. Тем не менее, интересно сопоставить наши наблюдения с выводами других исследователей. Так, Х. Тодорова, рассматривая энеолитические могильники V тыс. до н. э. с территории северо-восточной Болгарии, реконструирует социальную структуру общества, исходя из распределения погребального инвентаря по половозрастным группам (Тодорова 1986: 182–192, 217–220). Она отмечает, что самую низкую социальную позицию в обществе занимали дети до 6–7 лет и девочки до 15 лет (т.е. незамужние). При этом отношение к захоронениям детей до 2 лет крайне небрежное. С 6–7 лет дети включались в производственный процесс; этот возраст является границей между работоспособным и неработоспособным населением. Мужчины занимали наиболее высокое место в социальной иерархии, причем почти с детского возраста (с 7 лет). Между 20–37 годами социальное поло-

Таблица 9.
Погребения детей 1-й размерной группы (с определением возраста)

Памятник	Возраст	Уступ	Основное, с досыпкой	Инвентарь, особые черты ритуала
Борисовка 8/4	до 2	?	–	разрушено
Вишневое 8/1	4–5	+	–	кость животного, кусочки охры, посыпка мелом
Вишневое 55/3	Инф. I	–	–	разрушено
Кочковатое 25/4	2–4	+	+	отверстия на дне
Ново-Котовск 1/7	7–8	–	+	антропоморфная стела
Новоселица 19/30	3–6	–	?	подсыпка мелом
Тараклия II, 10/18	1 год 6 мес.	+	+	повозка, серебряные спирали, 2 сосуда
Траповка 1/8, ск.1	6–7	–	–	оба скелета расчленены; 5 сосудов
Траповка 1/8, ск.2	6–7	?	–	–
Траповка 10/6	3–5	+	–	сосуд
Санжейка 1/12	6–7	–	–	костяная трубочка, сосуд

жение мужчин наиболее значительно, и определялось оно по эффективности участия в производстве материальных благ. В погребальном обряде это отразилось в количестве и качестве инвентаря. В целом же отмечено, что с увеличением возраста и мужчин, и женщин, постепенно и равномерно увеличивается количество погребальных даров. При этом в преклонном возрасте (после 40 лет) количество их у мужчин резко падает, а у женщин продолжает расти. Мужчина теряет свои позиции в связи с невозможностью в старости активно участвовать в обычной для него деятельности. Отношение к женщине все еще определяется «матриархальным пиететом» и ее незаменимостью в домашнем хозяйстве даже в преклонном возрасте; это и определило в старости ее более высокую социальную позицию, нежели у мужчин.

Как мы видим, в социальной структуре рассматриваемых обществ есть и сходные черты, и отличия. При этом и хозяйственная направленность этих обществ была различной. В целом, можно отметить, что в принципе сходные возрастные градации фиксируют, порой, разные социальные позиции. В частности, это касается относительно высокого статуса части детей до семилетнего возраста в ямном обществе. Другим отличием, на наш взгляд, является не потеря, а изменение социальной позиции мужчин старческого возраста, изменение их функций (которое не обязательно сопровождается понижением их положения в обществе).

Процентное соотношение захоронений мужчин и женщин в нашей выборке 2,2 : 1. Сходное соотношение зафиксировано как в памятниках ямной культуры Поднепровья (Круц: 1984), так и в энеолитических некрополях Болгарии. Процент детских погребений в Северо-Западном Причерноморье – 19,7%, в Поднепровье – 16,3%, в болгарских могильниках –

20%. Х. Тодорова объясняет низкий процент детских погребений их разрушением, в отношении женщин она затрудняется предложить какую-либо трактовку. На наш взгляд, одним из вариантов объяснения данной ситуации может быть предположение о том, что лишь часть детей и женщин (с определенным социальным статусом) хоронили в курганах.

Тот факт, что значительная часть инвентаря концентрируется в погребениях мужчин, составляет с большой долей осторожности применять при реконструкции социальной структуры ямного общества показатель количества инвентарных погребений. В определенных ситуациях он может отражать не степень социальной и имущественной дифференциации общества (или выступать критерием бедности и богатства), а лишь соотношение мужских и женских погребений в выборке.

Имеющиеся в нашем распоряжении антропологические данные дают некоторые представления о демографии ямного населения.

Наиболее высок процент детских погребений до 6-7 лет. Снижение уровня смертности к 12–16 годам вполне закономерно. И если у мужчин эта тенденция продолжает сохраняться (на что указывает небольшое количество погребений молодых мужчин), то смертность среди молодых женщин растет. Этот факт чаще всего объясняют ранним замужеством и родами (Кислый 1989: 19). У женщин наибольшее количество смертей приходится на период до 25 лет, у мужчин – на более поздний период, 30–35 лет. Продолжительность жизни у женщин была короче – отсутствуют погребения индивидов старше 50–60 лет. У мужчин этот показатель равняется 60–70 годам; при этом и до старости доживало больше мужчин, чем женщин. Эти данные, в целом, согласуются с выводами С. И. Круц для ямных памятников Степного Поднепровья (Круц: 1988).

Таблица 10.
Погребения детей и подростков 2-й размерной группы

Памятник	Возраст	Уступ	Основное, с досыпкой	Инвентарь, черты ритуала
Богатое 1/7	5–6	–	–	–
Вишневое 8/3	подросток	+	+	–
Градешка I, 5/8	Инф. II	+	–	сосуд
Гура-Быкулуй 4/1	7–9	+	+	пятно охры у черепа
Гура-Быкулуй 8/13	10–12	–	–	череп, руки, стопы – охра
Желтый Яр 6/4	Инф. II	?	–	полусферические углубления на дне погребальной камеры
Жовтневое 4/5	подросток	–	+	цинковка поверх перекрытия, остатки
Кочковатое 28/8	юноша-подросток	–	–	разрушено
Кочковатое 30/6	13–15	+	–	лобная часть черепа – охра
Нагорное 14/11	6–8	+	–	ямка на уступе
Николаевка 8/15	8–10	+	–	антропоморфная стела, куски охры
Новоселица 19/14	11–13	+	–	два астрагала, кусок охры
Новоселица 20/2	14–16	+	–	цинковка на уступе, мел
Новоселица 21/1	подросток	–	–	серебряная подвеска
Новоселица 21/3	5–7	–	+	ямки на дне
Оланешты 13/11	4–6	–	+	каменное перекрытие, сосуд
Плавни 1/6	Инф. II	+	–	сосуд
Плавни 26/3	Инф. I–II	–	–	–
Санжейка 1/4	10	–	–	антропоморфная стела
Струмок 1/3	11–12	+	–	сосуд, кусок охры
Траповка 6/20	подросток	–	–	каменное перекрытие, скобель
Фрикацей 10/10	10–12	–	–	–
Хаджидер I, Костюкова могила/18	9–10	+	–	меловая подсыпка
Холмское 1/16	6–7	+	–	отбойник
Шевченково 3/9	6–8	–	–	два кремневых отщепы

Отметим, что половозрастные отношения в ямном обществе тесно переплетаются с социальными. Определенную функцию выполняет статусно-ролевая структура, где социальная роль и социальное положение индивида определялись исходя из позиции в общественной иерархии той социальной группы, к которой он принадлежал по рождению. При этом социальное положение с возрастом могло коррелироваться достигаемым статусом. В целом же социальный статус индивида в одних сферах жизни являлся наследуемым, в других – достигаемым, определяясь совокупностью разнообразных компонентов и изменяясь во времени.

Функциональная структура. Чаще всего исследователи отмечают трифункциональную структуру ямного общества, состоящего из трех сословий: брахманов (жрецов), кшатриев (воинов) и вайшья (рядовых общинников); порой выделяют и сословие ремесленников (Довженко, Рычков 1988: 27-40; Моргунова, Кравцов 1994: 153). Характерно, что для восточного ареала ямной КИО предполагается военный путь политогенеза (Моргунова, Кравцов 1994: 153), для Северо-Западного Причерноморья – аристократический (Иванова, Цимиданов 1993: 23-24).

Отметим, что обычно говорят о трех путях политогенеза в зависимости от преобладания

Таблица 11.
Трудовые затраты и инвентарь в захоронениях детей и подростков

Вид затрат, инвентарь	Дети до 5–7 лет (11)		Дети старше 5–7 лет (25)	
	Абс.	%	Абс.	%
Основные погребения, с досыпками	4	36,4	5	20
С уступами	6	54,5	13	52
Стела	1	9,1	2	8
Повозка	1	9,1	–	–
Производственный инвентарь	–	–	2	8
Кремневые отщепы	–	–	1	4
Украшения	1	9,1	3	12
Ритуальный инвентарь	2	18,2	3	12
Ритуальные украшения	–	–	2	8
«Дома мертвых»	1	9,1	1	4

в нем того или иного аспекта общественной деятельности — военном, аристократическом и плутократическом. При первом из них институализация власти идет через резкое возрастание роли военной организации и постепенное превращение военного предводителя в военного правителя. Главными механизмами политогенеза служат при этом военно-демократические и военно-иерархические формы организации власти. Аристократический путь политогенеза характеризуется постепенным превращением в правящий класс родо-племенной верхушки, которая сосредоточивает в своих руках руководство всеми без исключения сферами жизни, в том числе и военной. Тем самым исключается возможность формирования военной аристократии в качестве самостоятельной группы. Плутократический путь становления власти означает объединение более или менее крупных групп сторонников и зависимых людей вокруг отдельных индивидов, выделяющихся богатством и авторитетом. При этом названные пути политогенеза редко встречаются в «чистом» виде: обычно в реальности сочетаются моменты, присущие нескольким из них (Куббель 1988: 134). Основным критерий фиксации военного пути политогенеза на археологическом материале связан с присутствием инсигний власти в погребениях с оружием. Аристократический путь политогенеза констатируется для тех прослеживаемых археологически обществ, где отсутствуют неординарные погребения или захоронения правителей с оружием, а также имеются погребения, отражающие наследование социального статуса. Последний признак особенно важен; при его отсутствии мы в равной степени можем допустить плутократический путь политогенеза (Иванова, Цимиданов 1993: 23–24).

Носители военной функции. В отношении

возможности существования в ямном обществе сословия воинов к настоящему времени сложились две гипотезы, в которые, в целом, укладываются существующие точки зрения:

1) воинами являлись все мужчины, специализированного воинского сословия не существовало, хотя в ряде случаев при погребениях вождей и выдающихся воинов подчеркивались их воинские заслуги (Н.Я.Мерперт, Н.Н.Чердынченко и др.);

2) существовало воинское сословие, господствовавшее в обществе или делившее власть со жрецами (Е.Е.Кузьмина, Н.Д.Довженко, Н.А.Рычков и др.).

Анализ погребального инвентаря и особенностей обряда погребений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья позволил нам прийти к выводу о почти полном отсутствии оружия в погребениях с социально-престижными находками, высоким уровнем трудовых затрат, неординарным ритуалом. Оружие в качестве инвентаря редко встречается в захоронениях региона (24 погребения, или 1,1%); более часто оно является причиной смерти или ранения умершего.

Данные наблюдения могут свидетельствовать о том, что в ямном обществе, вероятно, отсутствовала военная знать и сложение воинского сословия не происходит. Тот факт, что с оружием погребались мужчины 25–60 лет, указывает, видимо, на то, что воинами было все боеспособное население мужского пола, а не только молодые мужчины, как это характерно для обществ с системой возрастных классов. Из данных этнографии известно, что образование социальной группы воинов, в целом, нетипично для мобильных скотоводов и кочевников. В степных обществах, в качестве основного занятия имеющих скотоводство, на характер воинства накладывает отпечаток тот факт, что скот

Таблица 12.
Соотношение мужских, женских и детских захоронений с идентичным инвентарем и особенностями в ритуале

Артефакты, черты ритуала	Общее количество	Взрослые				Дети, подростки		
		Без определе- ния пола	Мужчины		Женщины			
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Серебряные подвески (серьги)	53	41	5	10,6	1	2,1	6	11,3
Браслеты медные составные	32	18	8	27,6	3	10,3	3	9,4
Отщепы без ретуши	64	45	7	11,9	7	11,9	5	8,5
Повозки	17	10	5	31,3	1	6,3	1	5,9
Антропоморфные стелы	61	37	11	22	2	3,9	11	18,1
Рвы	31	21	2	8,4	1	4,2	7	22,5
«Дома мертвых»	142	98	21	16,7	7	5,5	16	11,3

был легко отчуждаемым продуктом. В этой ситуации выделение небольшой прослойки воинов-профессионалов неэффективно; воином должен быть каждый мужчина, что наблюдается (при обращении к этнографическим параллелям) во многих обществах мобильных скотоводов. В качестве примера можно привести скотоводов Восточной Африки (Калиновская 1989: 112,121,181), печенегов, половцев (Плетнева 1988: 25, 40–41), монголов, казахов, бедуинов (Марков 1976: 76–77,141,255,268).

Служители культа, на наш взгляд, маркированы несколькими категориями погребального инвентаря, а также особенностями в ритуале. Прежде всего упомянем ритуальный набор из медных ножа и шила; предполагают, что захоронения с ними принадлежат профессиональным служителям культа, шаманам, жрецам (Бесстужев 1987: 14) или вождям-жрецам (Синюк 1996: 10). Отметим также ритуальные украшения – подвески из зубов животных, которые, по мнению исследователей, позволяют считать покойных причастными к охотничьему промыслу и культу (Ковалева 1989: 50). В состав ожерелья из клыков могут входить и молоточковидные булавки. В Северо-Западном Причерноморье такого сочетания не наблюдается; находки их единичны. Об их семантике существуют разные точки зрения: полагают, что булавка свидетельствует о сакральной выделенности лиц, с нею погребенных (Ковалева 1989: 89). В то же время существует мнение, что булавка – индивидуальный фетиш, который маркирует приверженность к определенной религии. Известные в захоронениях костяные

трубочки маркируют, на наш взгляд, лиц, имеющих отношение к скотоводческому культу, независимо от их трактовки как музыкальных инструментов и как трубочек для доения (Галкин 1975: 186–192). Ритуальный аспект игры в астрагалы, применение их для гадания отмечались исследователями (Акулов 1996: 118–127; Ковалева 1991: 59–91). Погребенные с астрагалами, возможно, являлись гадателями, имели отношение к культу. К ритуалам, связанным с нейтрализацией враждебных сил, мы отнесли и найденные в захоронениях мотыги. Возможно, и лица, с ними погребенные, относятся к служителям культа. Ритуальным инвентарем являются, скорее всего, растиральники из фрагментов топоров, а также, видимо, часть обычных растиральников: на некоторых из них имеются следы охры. И, наконец, некоторые захоронения с особенностями в ритуале могут соотноситься со служителями культа. Так, существует точка зрения об отнесении к ним погребенных в каменных ящиках (Генинг 1987: 37–38). С этим предположением согласуется и роспись стен некоторых из них, и найденные в инвентаре палочки для гадания, молоточковидная булавка. Пожалуй, лишь погребение с булавой из Алкалии 33/3 (Субботин 1995: 193–197) значительно отличается от остальных и является, скорее всего, воинским.

Неоднородность группы служителей культа, куда входили лица, вероятно, специализирующиеся на различных ритуальных операциях, не должна удивлять. Так, отличительной чертой, к примеру, древневедического общества было господство жрецов, которые дели-

лись на 16 категорий с брахманами во главе (Шарма 1987: 203). Выделяясь не только особенностями погребального инвентаря и ритуала, погребения служителей культа, видимо, неоднородны и в социальном плане, отличаюсь и уровнем трудовых затрат в тех или иных группах захоронений. Из них выделяются погребения, сопровождающиеся набором металлических ножа и шила, с мотыгами, фрагментами топоров, подвесками из зубов животных. Характерно, что не во всех группах служителей культа имеются детские захоронения; так, они отсутствуют среди погребений с ножом и шилом, с булавками. Связано ли это с малочисленностью находок или тем, что некоторые ритуальные функции были недоступны детям, трудно решить однозначно.

Всего к служителям культа мы относим 148 погребений, или 6,7%. Относительно небольшое их количество может объясняться отсутствием четких однозначных критериев выделения захоронений этой социальной группы. Возможно, существуют захоронения учеников, не маркированные ритуальным инвентарем, а также другие категории, которые мы пока не в состоянии выделить. Вероятно, существование лиц, сопричастных культу, но не являющихся жрецами. Следует учитывать особую роль детей и подростков в сакральной жизни ямного общества.

Лица, занятые в хозяйственно-производственной деятельности, являлись основной социальной группой ямного общества. Функционально-производственные группы населения были, вероятно, такими же, как и у других скотоводческих народов. Однако отличия между ними получили слабое отражение в археологических реалиях. В целом, социальные роли индивидов определялись социально-экономическим укладом общества. Реконструкция этих ролей довольно проблематична – в одних обществах инвентарь и обряды отражали прижизненную специализацию умерших, в других такого отражения не происходило (Бочкарев 1978: 48-53). При этом и безынвентарные захоронения, преобладающие в регионе, скорее всего, связаны с непосредственными производителями.

Таким образом, для ямного общества Северо-Западного Причерноморья можно предположить бифункциональную структуру с двумя основными социальными группами: служителей культа и непосредственных производителей. Характерно отсутствие военной знати и социальной группы воинов; последними являлось все боеспособное население мужского пола

Что касается **потестарной структуры** (правители – знать – рядовое население), отметим прежде всего наличие двух категорий правителей. В первую очередь, это погребенные с повозками, принадлежность которых к социальной верхушке общества не вызывает сомнения

среди исследователей. Захоронения с целыми проушными топорами мы также склонны трактовать как погребения лиц, связанных с властной функцией (Иванова, Цимиданов 1998: 141-162).

Ни в одном погребении не зафиксировано сочетание повозки с топором. Обе категории находок распространены в регионе довольно равномерно, так что соотносить их с какими-то территориальными группами вряд ли правомерно. Нельзя говорить и о хронологическом разрыве между этими группами захоронений (и, следовательно, изменении атрибута правителя) – в каждой группе есть и более ранние, и более поздние погребения.

При этом, захоронения, сопровождающиеся повозками, несомненно, связаны с большими трудовыми затратами (Иванова, Цимиданов 1993: 23-24). Имеются отличия в инвентаре двух рассматриваемых групп: в погребениях с повозками присутствуют, преимущественно, серебряные украшения, найдены металлические ножи. В погребениях с топорами, напротив, доминируют украшения из меди, а найденные ножи-кинжалы изготовлены из кремня. Среди комплексов с повозками известны захоронения как мужчин, так и женщины, ребенка. Погребения детей, сопровождающихся топорами, отсутствуют. Создается впечатление, что лица, погребенные с повозками, занимали в структуре ямного общества более высокую социальную позицию. Существенным, на наш взгляд, являются отличия в позах погребенных. Среди правителей, маркированных повозками, преобладают захоронения со скорченными на спине скелетами, напротив, сопровождающиеся топорами расположены чаще всего на левом боку или с наклоном влево. То есть, несмотря на существующую взаимосвязь, их принадлежность к разным обрядовым группам указывает, скорее всего, на соотнесение разных категорий правителей с различными этносоциальными образованиями.

Возможно, следует говорить и о разделении властных функций правителей, отраженном в погребальном ритуале, инвентаре. Тенденция разделения власти на несколько ее видов характерна для древних обществ (Куббель 1988: 83–85). Захоронения детей к тому же указывают на наследование социального статуса в рассматриваемой группе правителей. Отсутствие оружия в инвентаре указывает, что ни правителей, ни связанные с ними социальные группы, нельзя однозначно относить к военной знати: скорее, они соединяли управленческие и сакральные функции, либо все три аспекта властных функций.

Прежде чем перейти к рассмотрению погребений знати, отметим тот факт, что, по этнографическим данным, выдвижение индивидуального вождя неразрывно соединено со складыванием привилегированного положе-

ния в обществе и той группы, к которой вождь принадлежал по происхождению, т. е. группы, связанной с ним узами родства, пусть во многих случаях родства фиктивного. Возникновение системы наследования (в широком смысле, не обязательно прямым наследованием от отца к сыну) носителей власти, сложение наследственных статусов вело к формированию наследственной аристократии, которая в итоге сосредоточила в своих руках руководство всеми сферами общественной жизни. Это было равнозначно превращению, в конечном счете, самого права доступа к руководству и власти в любой из таких сфер в своего рода корпоративную собственность сложившейся знати (Кубель 1988: 58–59, 98–99, 106–107, 154–155).

Мы полагаем возможным отнести к знати нескольких групп захоронений, в которых, на наш взгляд, погребены лица, занимавшие в обществе высокое социальное положение. Они выделяются как высоким уровнем трудовых затрат на совершение погребения, так и особыми чертами ритуала, инвентарем. При этом знать может быть связана с обеими функциональными группами – и служителей культа, и участвующих в хозяйственно-производственной деятельности. Прежде всего, это – захоронения с серебряными височными подвесками в инвентаре, с антропоморфными стелами и «домиками мертвых» (ямками от жердей и кольев). Характерно, что эти три группы проявляют взаимосвязь между собой в силу взаимовстречаемости маркеров (а две из них – с категорией правителей, маркированных повозками).

Исследователи отмечают, что на протяжении эпохи раннего металла знать в большой мере монополизировала использование металла; он, в основном, функционировал в социально-престижной сфере и был доступен лишь немногим. Поэтому к группе знати мы отнесли, прежде всего, погребения с металлическими артефактами (как с орудиями, так и украшениями). Более сложен вопрос с основными подкурганными погребениями. С одной стороны, курганная насыпь определенно фиксирует наследуемое социальное положение. С другой стороны, воспринимать ее лишь как показатель вложенных в ритуал трудовых затрат было бы чересчур прямолинейно. Отмечают отражение в курганной насыпи сложных космогонических (Белов, Ляшко 1991: 28–30), мифологических (Ковалева 1989: 89) представлений. Тот общеисторический аспект, согласно которому территория считается обжитой, когда на ней есть могилы предков, может указывать на восприятие курганной насыпи как маркера освоения новых территорий. Также неоднозначна в социальной структуре общества группа погребений, окруженных рвами. Они в какой-то степени проявляют взаимосвязь с захоронениями знати. В то же время ров (наряду с кромле-

хом, обкладкой насыпи) может выполнять магическую, защитную функцию круга, оберегая социум от определенной категории умерших (Топоров, Майлах 1988: 18–19).

Категория знати, в целом, неоднородна: некоторые относимые к ней группы демонстрируют увеличение количества вложенного труда при совершении значительного числа захоронений. Причины этого, возможно, следует искать в том, что определенные социальные слои имели больше возможностей для повышения личного (достигаемого) статуса.

В целом, погребения знати в регионе, по нашим подсчетам, составляют 18,7% (397 захоронений). Этот показатель увеличится, если к знати отнести основные захоронения. Относительно высокий процент таких захоронений объясняется, возможно, тем, что в курганах хоронили не всех представителей общества, а определенную ее часть, выделяющуюся своим социальным положением.

Остальные погребения, с инвентарем и без него, мы отнесли к рядовому населению. Эта группа в своем составе неоднородна: при доминировании в ней погребений среднестатистического облика, некоторые захоронения сопровождалась инвентарем, другие выделяются уровнем трудовых затрат. Говорить о существовании зависимого населения по имеющимся археологическим данным нет оснований. Возможно, такое население и было, но его не хоронили в курганах.

Отсутствие оружия в захоронениях знати и правителей, наряду со сложившейся практикой наследования социального статуса, позволяют нам предположить аристократический путь политогенеза в ямном обществе региона.

Этносоциальная структура. Отметим, что выделение обрядовых групп в исследованиях по ямной проблематике стало уже традиционным; при этом определенным фактором в таких классификациях является поза погребенного (Дергачев 1986: 222; Рычков 1990: 16; Яровой 1985: 122). Полагают, что в этом признаке отразились различные этнические корни носителей ямной культуры (Рычков 1990: 16). Заметим, что с этими выводами согласуются некоторые отличия в погребальном инвентаре, ритуале различных обрядовых групп, а также различия в антропологическом облике захороненных скорчено на спине и на боку (Зиневич 1970: 156–167; Круц 1985: 527–436). Мы полагаем, что переменная стратиграфия, планиграфия, парные и коллективные захоронения (в которых сочетаются практически все варианты) указывают на сосуществование на определенном этапе всех обрядовых групп (Иванова 1999: 52–57). При этом наличие среди правителей, знати, служителей культа погребений различных обрядовых групп позволяет предположить формирование в регионе единой потестарной общности, охватывающей носителей

всех обрядовых традиций.

Показательно в этом контексте наличие двух категорий правителей, соотносимых, в целом, с разными обрядовыми группами, отражающими, в свою очередь, функционирование в регионе различных этносоциальных организмов. По всей вероятности, отличны они и по своему социальному положению, что отразилось в характере погребального инвентаря, особенностях ритуала, уровне трудовых затрат. Мы полагаем возможным предположить сложение в Северо-Западном Причерноморье потестарного объединения, союза, причем союза неравноправного. Отмечаются три пути формирования неравноправных союзов: 1) завоевание, 2) приход на территорию, которой владел другой, более мощный организм, 3) в результате добровольного подчинения основному коллективу. При этом доминирующий компонент превращается в монопольного владельца должности верховного вождя; административные, военные и жреческие функции являются наследственными, причем не обязательно от отца к сыну, а внутри главенствующего коллектива (Берзин 1966: 82-95). Таковым, видимо является этносоциальный организм, с которым соотносятся погребения со скорченными на спине скелетами. В нем сосредоточены в большинстве своем захоронения лиц высокого социального положения, с престижным

инвентарем, особенностями в ритуале, значительная часть основных захоронений. Так, с ним соотносятся 81,3% погребенных с повозками, 68,1% – с антропоморфными стелами, 82,0% – с ямками на дне погребальной камеры, 58,9% – с серебряными спиралевидными подвесками, большая часть погребенных с медными ножами и шильями.

На наш взгляд, можно говорить о консолидирующей роли данного этносоциального организма в рамках потестарной общности региона. Мы не располагаем возможностью определить конкретный путь формирования объединения. Не исключено, что эта ситуация объясняется хронологическим приоритетом данной обрядовой группы в освоении территории (Николова 1992: 21; Яровой 1985: 122). Учитывая различные этнические корни входящих в объединение социальных организмов, уместно отметить, что связь этнического разделения с социально-потестарной стратификацией вообще была свойственной традиционным обществам различных континентов (Куббель 1988: 270). Ямное общество Северо-Западного Причерноморья, видимо, не являлось исключением.

Гипотетически в данном союзе видится группа племен, соплеменность. Однако в таком археологическом источнике как подкурганные захоронения слабо отражены основные признаки подобных социальных образований.

ЛИТЕРАТУРА

- Акулов А.Г. 1996. Система гадания «И Цзин» и её возможные параллели в степных культурах // *Археология*. № 1. С. 118–127.
- Алексеев В.П. 1989. Палеодемография: содержание и результаты // *Историческая демография: проблемы, суждения, задачи*. М. С. 63-90.
- Алекшин В.А. 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л. 190 с.
- Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тоцев Г.Н. 1985. Курганы у с.Плавни в низовьях Дуная М.158 с. Депонирована в ИНИОН АН СССР 13. 06. 1985 г., № 21 110.
- Белов А.Ф., Ляшко С.И. 1991. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // *Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье*. Вып. II. С. 28-30.
- Берзин Э.О. 1966. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых обществ // *Общее и особенное в историческом развитии народов Востока*. М. С. 82-95.
- Бесстужев Г.Н. 1987. Нож и шило — аксессуары обряда посвящения (трактовка по находкам в погребениях эпохи раннего металла) // *Материалы семинара «Древности Кубани»*. Краснодар. С. 12–14.
- Бочкарев В.С. 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы // *Проблемы археологии*. Л. Вып. 2. С. 48–53.
- Бунятян Е.П. 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV-III вв до н. э.). Киев. 228 с.
- Галкин Л.Л. 1975. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // *СА*. № 3. С. 186–192.
- Генинг В.В. 1987. К вопросу о «кеми-обинских» погребениях Степного Поднепровья // *Тезисы докладов конференции «Актуальные проблемы историко-археологических исследований»*. Киев. С. 37-38.
- Гроссу В.И., Агульников С.М., Хахеу В.П. 1983. Отчет о полевых работах курганного отряда Буджакской новостроечной экспедиции по исследованию курганной группы у с. Тараклия в 1983 году. // *ИА и ДИ РМ; Архив ИА и ДИ РМ*. Кишинев.
- Гудкова А.В., Алексеева И.Л., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М. 1978. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1978 году // *Архив ИА НАН Украины*. Инв. № 1978/15. Киев.
- Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тоцев Г.Н., Фокеев М.М. 1981. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 году // *ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины*. Инв. № 1981/1. Киев.
- Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1985. Раскопки курганной группы у с. Вишнево // *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев. С. 132 –174.
- Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев. 222 с.
- Довженко Н.Д., Рычков Н.А. 1988. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности // *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев. С.27

- 40.
- Зиневич Г.П. 1970. Краниологические материалы эпохи энеолита-ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // МАСП. Одесса. № 6. С. 156–167.
- Иванова С.В. 1998. Захоронения детей и проблема наследования социального статуса // Тезисы докладов VII Донской археологической конференции «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». Ростов-на-Дону. С. 37–38.
- Иванова С.В. 1999. О хронологии и периодизации памятников ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // КС ОАО. Одесса. С. 52–57.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В. 1993. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической области // Археологический альманах. Донецк. Вып. 2. С. 23–24.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В. 1998. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного Університету. Запоріжжя. Вип. IV. С. 141–162.
- Иеттмар К. 1986. Религии Гиндукуша. М. 526 с.
- Калиновская К.П. 1989. Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX веках. М. 255 с.
- Кислый А.Е. 1989. Реконструкция демографической структуры населения степей Северного Причерноморья III–II тыс. до н. э. Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.04. // ИА АН СССР. М. 19 с.
- Ковалева И.Ф. 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск. 89 с.
- Ковалева И.Ф. 1991. Срубные погребения с наборами альчиков. // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск. С. 59–91.
- Ковалева И.Ф. 1998. Мир детства племен ямной культуры // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ. С. 37–47.
- Колесников А.Г. 1993. Трипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социологических реконструкций в археологии. Киев. 152 с.
- Круц С.И. 1984. Антропологические исследования Степного Приднепровья. Киев. С. 75–81.
- Круц С.И. 1985. Антропологический состав населения на территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1. С. 527–536.
- Куббель Л.Е. 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М. 270 с.
- Левицкий О.Г. 1983. Курганы эпохи бронзы у с. Томай // АИМ в 1983 году. Кишинев. С. 35–44.
- Марков Г.Е. 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М. 318 с.
- Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л. 191 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург. 153 с.
- Мэллори Д. 1994. Курганы и социальная структура населения эпохи ранней бронзы // Тезисы докладов международной конференции «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э.». Кишинев. С. 86–89.
- Николова А.В. 1992. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины. Автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.04. / ИА НАНУ. Киев. 21 с.
- Ольховский В.С. 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2. С. 85–98.
- Плетнева С.А. 1988. Половцы // Исчезнувшие народы. М. С. 21–33.
- Рычков Н.А. 1982. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии. Киев. С. 85–105.
- Рычков Н.А. 1990. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья. Автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.04. / ИА АН УССР. Киев. 16 с.
- Сегеда С.П. 1995. Основы антропологии. Київ. 208 с.
- Синюк А.Т. 1996. К социальной интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // Тезисы докладов конференции «Дно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». Воронеж. С. 9–11.
- Субботин Л.В. 1995. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // РА. № 3. С. 193–197.
- Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. 1995. Археологические древности Буджака. Курганы у с. Траповка. Одесса. 134 с.
- Тодорова Х. 1986. Каменно-медная эпоха в Българии (V хилядолетие преди новата ера). София. 280 с.
- Топоров В.Н., Майлах М.Б. 1988. Круг // Мифы народов мира. М. Т. 2. С. 18–19.
- Чеботаренко Г.Ф., Черняков И.Т., Тоцев Г.Н. 1993. Курганы у с. Приморское // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. IV. С. 46–61.
- Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 53–96.
- Шарма Р.Ш. 1987. Древнеиндийское общество. М. 627 с.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т., Алексеева И.Л. 1970. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Суворовской оросительной системы в 1970 году / ИА НАН Украины; Архив ИА НАН Украины. Инв. № 1970/40. Киев.
- Шнирельман В.А. 1988. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М. С. 5–139.
- Яровой Е.В. 1984. Работы Слободзейской экспедиции // АО в 1982 году. М. С. 417–418.
- Яровой Е.В. 1985. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев. 122 с.
- Яровой Е.В. 1990. Курганы эпохи энеолита-бронзы Нижнего Поднепровья. Кишинев. 269 с.